

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2018), 153–164
© The Author(s) 2018

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2018), 153–164
© Автор(ы) 2018

DOI: 10.18503/1992-0431-2018-4-62-153–164

ОБ ОДНОЙ ГРУППЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ЗЕРКАЛ ДАГЕСТАНА

М.С. Гаджиев*, Ш.О. Давудов**

**Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала, Россия
murgadj@rambler.ru*

***ООО «Археологическое общество Кубани», Ростов-на-Дону, Россия
shamyl@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается группа бронзовых и биллоновых зеркал (11 экз.) из раннесредневековых могильников Дагестана (Аркас, Галла, Хлут, Агачкала, Куркли, Ахалчи, Хунзах, Дуранги, Дусрах, Ботлих, Хуты). По сопутствующему погребальному инвентарю эти погребения и представленные в них зеркала с центральной петлей датируются VI–IX вв. н.э. В отличие от широко распространенных в этот период зеркал с геометрической, солярной символикой, данные зеркала на оборотной стороне имеют стилизованные изображения рептилий (ящериц) и насекомых (сколопендр). На одном зеркале представлено изображение змеи (Ботлихский могильник). За пределами Дагестана известно только три бронзовых зеркала с подобными изображениями из раннесредневековых могильников: Верхне-Салтовский IV (Харьковская область, Украина), Даргавс и Змейский (оба – Северная Осетия) катакомбные могильники. Концентрация и топография находок таких зеркал в Дагестане и их редкое представительство за пределами Дагестана позволяют рассматривать раннесредневековое государственное образование Серир, как их основной ареал и место производства. С другой стороны, находки подобных зеркал на территории исторической Алании, в аланских катакомбах, вероятно, следует рассматривать в контексте алано-серирских политических и культурных связей. Как известно, зеркала выступали сакральными предметами, тесно связанными с погребальной идеологией. Образы хтонических существ, каковыми выступают изображенные на рассматриваемой группе зеркал рептилии и насекомые, подчеркивают эту связь зеркал с представлениями о потустороннем, загробном мире. Вероятно, появление данных образов было обусловлено тесными связями Дагестана с Сасанидским Ираном в религиозно-идеологической сфере, влиянием зороастрийской религии, в которой они предстают в качестве храфстра – порождений «полного смерти» Ахримана, вредных существ, связанных с миром тьмы.

Ключевые слова: археология, раннее средневековье, Дагестан, могильники, бронзовые зеркала, зооморфные изображения, хтонические существа

Одной из категорий предметов, характерных для раннесредневекового Дагестана, являются круглые литые металлические (бронзовые и биллоновые) зеркала

Данные об авторах: Гаджиев Муртазали Серажутдинович – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом археологии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН; Давудов Шамиль Омарович – кандидат исторических наук, научный сотрудник ООО «Археологическое общество Кубани».

с центральной петлей на оборотной стороне. Как и в предшествующий поздне-сарматский период, в это время доминирующими выступают зеркала с геометрической солярной символикой (концентрические окружности, зигзаги, радиальные лучи и др.). Но в раннем средневековье появляется новый тип подобных по форме зеркал – зеркала с зооморфными изображениями на обороте, причем оба типа зеркал встречаются в пределах одного некрополя, как, например, в Галлинском и Дурангинском могильниках¹.

Среди указанной категории зеркал с зооморфными изображениями наиболее распространенными являются зеркала с условно-схематическими изображениями рептилий (ящерицы) и насекомых (сколопендры) на оборотной стороне. Такие зеркала хорошо известны по находкам в ряде раннесредневековых памятников Дагестана: они происходят из Аркаского городища (рис. 1, 3)², Галлинского (рис. 1, 8)³, Хлютского⁴ (рис. 1, 9), Агачкалинского (рис. 1, 4)⁵, Курклинского (рис. 1, 2)⁶, Ахалчинского⁷, Хунзахского (рис. 1, 6)⁸ и Дурангинского (рис. 1, 7)⁹ могильников и из разрушенных погребений близ сел. Дусрах (рис. 1, 1)¹⁰ и сел. Хуты (рис. 1, 5)¹¹.

Все зеркала имеют по краю тонкий валик, изображения сделаны в низком рельефе и часто очень условно, так что не всегда можно точно определить представленное существо. На зеркалах из Дуранги и Хлюта, очевидно, изображена ящерица (рис. 1, 7, 9). Несмотря на схематизацию, она ясно определяется на зеркале из Хуты по особенностям очерченных конечностей – изогнутым суставам, удлинённым кистям и стопам (рис. 1, 5). На зеркалах из Куркли и Галла отчетливо распознается сколопендра по многочисленным ножкам, характерным усикам и последней паре ног (рис. 1, 2, 7). На зеркале из Агачкалы (рис. 1, 4) различается только две пары ног, но изображение длинного изогнутого тела, завершающегося двумя «головками с усиками» (что отвечает особенностям строения сколопендр, у которых хвостовая и головная части визуалью схожи), позволяет полагать, что здесь также показано это насекомое.

На остальных зеркалах трудно определить точный вид изображенного существа, хотя почти все исследователи, публиковавшие данные зеркала, видели в них почему-то исключительно скорпионов с последующими выводами, хотя оснований для такого заключения нет – на наш взгляд, они не представлены среди

¹ Атаев 1963, 68, рис. 17, 2; Пикуль 1991, 168, 176, рис. 4, 4.

² Маммаев 1989, 211, рис. 58.

³ Котович 1961, 47, рис. 28, 3.

⁴ Гаджиев 1986, 73–74, рис. 1, 29.

⁵ Смирнов 1952, 95–96, рис. 39, 8.

⁶ Давудов 2012, 48–73, рис. 13, 7.

⁷ Абакаров, Магомедов 1991, 191–192, рис. 1, 2.

⁸ Атаев 1961, рис. 17, 2.

⁹ Атаев 1963, 38, 68, рис. 6, 14, 15.

¹⁰ Абакаров, Давудов 1993, 210, № 1172; Гаджиев, Давудов 2015, 36–37, рис. 1, 2.

¹¹ Зеркало обнаружено в разрушенном в результате оползня погребении летом 2016 г. жителем сел. Хуты (Лакский район Республики Дагестан) Р. Мухуевым. Захоронение датируется V–VI вв. на основании найденных бронзовых сюльгамы с изображением головок барана на концах, фибулы с полусферическим корпусом и 6-тилопастной пряжки. Там же обнаружен нательный бронзовый крест с шишечками-трилистниками на боковых и нижнем концах.

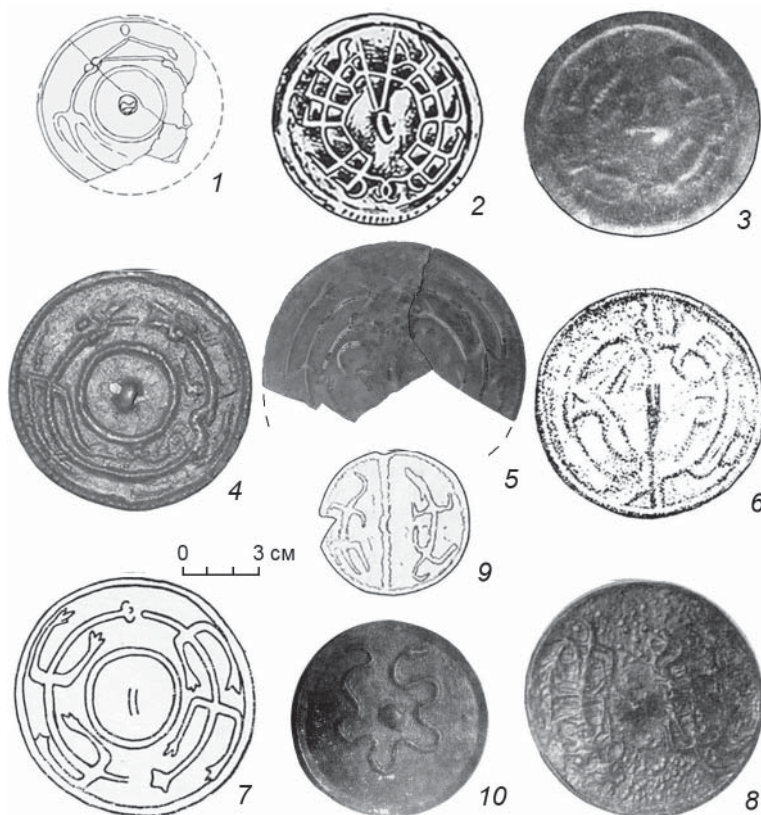

Рис. 1. Раннесредневековые зеркала с зооморфными изображениями с территории Дагестана: 1 – из погребения у сел. Дусрах; 2 – из Курклинского могильника (Давудов 2012); 3 – из Аркаского городища (Маммаев 1989); 4 – из Агачалинского могильника; 5 – из погребения у сел. Хуты; 6 – из Хунзахского могильника (Атаев 1963); 7 – из Дурангинского могильника (Атаев 1963); 8 – из Галлинского могильника; 9 – из Хлютского могильника (Гаджиев 1986); 10 – из Ботлихского могильника (Мунчаев 1958)

изображений на данной серии зеркал. На основе такого видения М.М. Маммаев уверенно полагал, что изображения скорпиона на рассматриваемых зеркалах «отражают древние идеологические воззрения населения Дагестана» и «должны были служить оберегами-апоτροпеями, отгоняющими от их владельцев темные, злые силы»¹².

Как правило, показаны парные, симметрично расположенные изображения существ, занимающие половинки плоскости зеркала и следующие друг за другом или противостоящие друг другу. Исключение составляет зеркало из Агачкалы, на котором представлено одно существо, обнимающее по кругу все поле зеркала (рис. 1, 4).

¹² Маммаев 1989, 46.

Рептилия изображена еще на одном зеркале из Дагестана – это бронзовое литое зеркало с валиком по краю и с образом змеи, происходящее из погребения 4 Ботлихского 1-го могильника VIII–X вв. (рис. 1, 9). Поле зеркала вокруг петельки занимает изображение извивающейся змеи, выполненное в реалистичной манере в низком рельефе¹³. находка в этом захоронении витого стеклянного монохромного браслета зеленого цвета¹⁴ подтверждает дату, предложенную для могильника в целом.

Погребальные комплексы, в которых были найдены упомянутые выше зеркала со схематичными изображениями рептилий (ящерицы) и насекомых (сколопендры), датированы исследователями на основании погребального инвентаря в целом в диапазоне V–X вв.¹⁵, который, очевидно, можно сузить до VI–X вв., т.к. надежных хронологических индикаторов V в. в указанных погребениях с рассматриваемыми зеркалами не представлено.

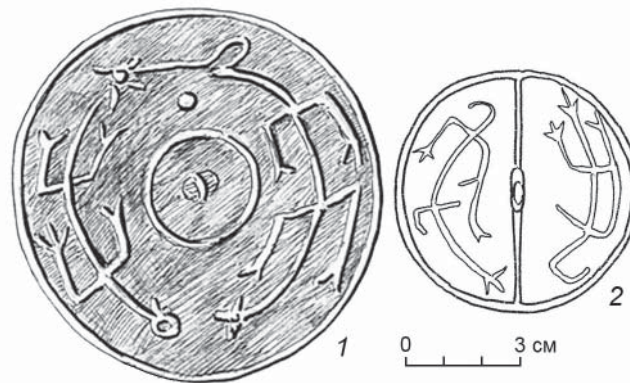

Рис. 2. Зеркала с изображениями ящериц: 1 – из Даргавского могильника (Дзаттиаты 2016); 2 – из Верхне-Салтовского IV могильника (Аксенов 2015).

Зеркала с подобными изображениями рептилий в небольшом количестве (3 экз.) известны за пределами Дагестана и исключительно в социально высокого статуса катакомбных погребениях VIII–X вв., этнокультурно связываемых с аланским миром. Это зеркала из катакомбы 28 Даргавского некрополя¹⁶ (рис. 2, 1), катакомбы 99 Змейского катакомбного могильника¹⁷ и катакомбы 119 Верхне-Салтовского IV могильника (рис. 2, 2)¹⁸. Наиболее узкую дату из них имеет зеркало из катакомбы Верхне-Салтовского могильника: на основании погребального инвентаря и серебряных дирхемов конца VIII в. захоронение датировано серединой/второй половиной IX в.¹⁹

¹³ Атаев 1973, 53, 55, рис. 7, 3; Маммаев 1989, 209, рис. 54.

¹⁴ Атаев 1973, 53, 55, рис. 6, 1.

¹⁵ Смирнов 1952, 93; Котович 1961, 47; Атаев 1963, 27–32, 68–69, 76–78; Гаджиев 1986, 73–75; Давудов 2012, 55–58.

¹⁶ Дзаттиаты 2014, 27, табл. LXVII, 37; Дзаттиаты 2016, 6, 16, табл. VI, 15.

¹⁷ Устная информация З.Х. Албеговой (ИА РАН), которой приносим свою благодарность.

¹⁸ Аксенов 2015, 299, рис. 7, 3; 2016, 117, рис. 8, 3.

¹⁹ Аксенов 2015, 297; 2016, 116.

На этих зеркалах показаны симметрично расположенные парные, занимающие обе половины поля зеркала изображения земноводных (ящериц) в движении друг за другом по кругу. Образы их весьма близки стилистически подобным на зеркалах с территории Дагестана – сходство отчетливо видно в общей композиции, в изображении рептилий и их отдельных деталей – конечностей, лапок, головок. А зеркала из Верхнего Салтова и Хлюта имеют и разграничительные валики, диаметрально разделяющие поле зеркала на две равные половинки.

Концентрация находок рассматриваемых зеркал на территории Дагестана и их редкое представительство за пределами Северо-Восточного Кавказа позволяет рассматривать этот регион как их основной ареал и место производства. Вместе с тем топография находок таких зеркал в пределах предгорного и горного Дагестана дает возможность идентифицировать эту зону с территорией раннесредневекового государственного образования Серир (Авария).

С другой стороны, находки подобных зеркал на территории исторической Алании и в аланских погребальных памятниках, вероятно, следует рассматривать в контексте существовавших в раннем средневековье алано-серирских политических и этнокультурных связей, на что авторам настоящей статьи уже приходилось обращать внимание в связи с находками иных археологических артефактов в контексте данных нарративных и фольклорных источников, языкознания²⁰. Позволим себе вновь указать на засвидетельствованные в письменных источниках и в нартском эпосе эти, очевидно, достаточно тесные контакты.

Герой эпоса нарт Хамиц из рода знатных верхних нартов Ахсартагата рассказывал: «У меня было две жены. Однажды они валяли мне бурку из ста рун и пели про меня всякие песни: “Эта бурка будет такой счастливой буркой, что господин нашей головы будет ездить в Аварию, будет привозить походные сумы аварских красивых тканей, а красавицу Аварии привезет себе третьей женой”»²¹. Потом он действительно посещал соседнюю Аварию, откуда привозил ткани и где нашел себе жену из благородного рода Бицента (царства Бценов), родившую ему раскаленного младенца Батраза – впоследствии «лучшего среди нартов», который поддерживал связи со своими родственниками в Аварии по материнской линии.

В Аварию, в горы Ауар-хана (=Авар-хана) отправляется и брат-близнец Хамица, нарт Урызмаг (сказание «Сослан и три сына Телберда»). Это имя-титул находит параллель с сообщением Ибн Руста (нач. X в.) о том, что царь Серира зовется Авар²². Не исключено, что именно он и царь алан, согласно Масуди (X в.), находились в родственных связях, «поскольку каждый из них женился на сестре другого»²³.

Не маркируют ли рассмотренные выше зеркала, имеющие, как представляется, дагестанское (серирское) происхождение и являющиеся характерным атрибутом женского туалета, возможный свадебный (брачный) путь их «импорта» в аланский этнокультурный мир? Заметим, что у многих народов Дагестана зеркало было символическим атрибутом свадебного торжества, входило в состав приданого для невесты, выполняя функцию оберега²⁴.

²⁰ Гаджиев, Давудов 2010, 352–364.

²¹ Хамицаев, Бязыров 1989, 441.

²² Минорский 1963, 220.

²³ Минорский 1963, 204.

²⁴ Гаджиев 1991, 55.

Исследователи, отмечая параллели с китайскими зеркалами эпохи Тан (618–906 гг.), на которых изображены бегущие друг за другом звери, драконы, плывущие рыбы, летящие птицы, тем не менее считали рассматриваемые дагестанские зеркала с изображениями рептилий продукцией местного металлообрабатывающего ремесла²⁵. Можно провести также параллели с зеркалами династии Мин (265–420 гг.), и, говоря о генетических корнях зеркал из Дагестана, можно предполагать их связь с китайскими зеркалами с парными композициями, особенно с популярными зеркалами «два дракона», проводя семантическую параллель «дракон – ящерица». Но ни одной находки таких китайских зеркал на Кавказе, в Предкавказье, на сопредельных территориях, которые могли бы послужить прототипами, нам не известно. Р.Г. Дзаттиаты допускает, что зеркало из Даргавса может быть китайским, и полагает, что попало оно на Северный Кавказ с Востока по трассе Великого Шелкового пути²⁶. Но близкие ему аналоги с территории Дагестана, ареал таких зеркал (см. выше), существенные отличия от китайских зеркал не позволяют принять данную точку зрения.

Представления о зеркалах как магических предметах, оберегах широко распространены. Но что должны были означать, какую религиозно-магическую нагрузку должны были нести эти изображения рептилий и насекомых на рассматриваемых зеркалах?

Изображение змеи может находить объяснение на основе дагестанских этнографических данных. Согласно им, змея выступает амбивалентным существом – она обладает не только отрицательными качествами (вредное существо; встреча со змеей, пересекающей дорогу путнику – плохая примета; змею следует убить; запрет на амулеты с изображением змеи), но и положительными (домовая змея – добрый дух, покровительница дома, хранительница благополучия, достатка в семье, подательница плодородия; язык змеи – оберег, талисман; встреча со змеей, ползущей вверх – к успеху и удаче, она – добрый вестник; браслеты-амулеты с изображением змеиных головок), она связывалась с водной стихией (змея – символ, персонификация воды, дождя; убитая змея использовалась в обряде вызова дождя; вода, в которой плавала змея, использовалась при бесплодии)²⁷. Изображения змеи встречаются на керамических сосудах из памятников Дагестана эпохи раннего железа, албано-сарматского и раннесредневекового времени²⁸, на которых она, вероятно, по поверьям древних, выступала охранителем содержимого сосудов. В раннем средневековье распространяются гладкие и витые браслеты с концами в виде змеиных головок²⁹, выполнявшие роль оберега. Учитывая эти данные, мы можем полагать, что изображение змеи на зеркале из Ботлихского могильника также могло нести подобную функцию апотропея³⁰.

²⁵ Атаев 1963, 68, 69; Маммаев 1989, 46.

²⁶ Дзаттиаты 2016, 7.

²⁷ Чурсин 1995, 56–58; Гаджиев 1991, 106–108; Халидова 1992, 99–100; Сефербеков 2000, 41.

²⁸ Пикуль 1967, 27, рис. 5, 9; Смирнов 1951, 264–267, рис. 21, 1; Атаев 1963, 161, рис. 23, 3; Гмыря 1984, 81–84, рис. 5, 1, 2, 6.

²⁹ Марковин, Твердохлебов 1955, 152–153, рис. 64, 4, 5; Мунчаев 1958, 50, рис. 12, 3; Котович 1961, 54, рис. 35, 1; Маммаев 1969, 195, 196, рис. 2, 5, 6; 1989, 45, рис. 55, 1; 1969, 195, 196, рис. 2, 5, 6.

³⁰ Маммаев 1989, 44–45.

Вместе с тем змея и изображенные на других зеркалах ящерицы и сколопендры относятся к разряду хтонических существ, связанных с подземным, потусторонним миром, с царством мертвых. И уже в силу этого они наделялись отрицательными, вредоносными свойствами.

С другой стороны, как известно, у многих племен и народов, в том числе дагестанских³¹, зеркало выступало и сакральным предметом, находившимся в ассоциативной связи со смертью, тесно связанным с погребальной идеологией, с соответствующими реликтовыми поверьями³², что подтверждается фольклорными, этнографическими и археологическими данными. И, как представляется, образы хтонических существ, каковыми выступают изображенные на рассматриваемой группе зеркал рептилии и насекомые, подчеркивают эту связь зеркал с представлениями о загробном, подземном, нижнем мире.

Обращаясь к изображениям ящерицы и сколопендры и их семантике, следует отметить, что в мифологии, фольклоре, этнографии дагестанских и в целом кавказских народов эти образы практически не представлены. И можно предполагать, что их появление на зеркалах, как предметах, связанных с миром мертвых, было обусловлено тесными связями Дагестана с Сасанидским Ираном в религиозно-идеологической сфере, влиянием зороастрийской религии³³, в которой эти существа предстают в качестве *храфстра* (ср.-перс. *xrafstar*) – порождений «полного смерти» Ахримана, вредных существ, связанных с миром тьмы³⁴. Вероятно, изображая их на зеркалах, воспринимавшихся, по бытовавшим верованиям, как пограничный локус между мирами, вход/выход в загробный мир, в царство мертвых, древние люди устанавливали своего рода защиту, охрану, отпугивавшую злые потусторонние силы, которые могли проникнуть в земной мир через магическое окно зеркала – вступало в действие магическое правило «подобное нейтрализует подобное».

Таким образом, изображения рептилий и насекомых, запечатленные на раннесредневековых зеркалах, отразили бытование апотропетической (отгоняющей) магии, представления древнего населения Дагестана о подземном царстве и связанных с ним хтонических существах.

ЛИТЕРАТУРА

- Абакаров, А.И., Давудов, О.М. 1993: *Археологическая карта Дагестана*. М.
- Абакаров, А.И., Магомедов, Р.Г. 1991: Новые археологические находки из горного и плоскогорного Дагестана. В сб.: О.М. Давудов (ред.), *Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века*. Махачкала, 190–202.
- Аксенов, В.С. 2015: Богатое катакомбное захоронение Верхне-Салтовского IV могильника. *Древности 2014–2015. Харьковский историко-археологический ежегодник* 13, 288–305.
- Аксенов, В.С. 2016: Катакомба № 119 Верхне-Салтовского IV могильника под Харьковом. *РА* 4, 106–123.

³¹ Гаджиев 1980, 42; Бакушев 2008, 140.

³² Толстая 1994, 112–114; Косяненко 1994, 79–80.

³³ Гаджиев, Давудов 2012, 32–37.

³⁴ Moazami 2005, 300–317.

- Атаев, Д.М. 1961: Некоторые средневековые могильники Аварии. В сб.: Г.Д. Даниялов (ред.), *МАД II*. Махачкала, 223–247.
- Атаев, Д.М. 1963: *Нагорный Дагестан в раннем средневековье (по материалам археологических раскопок Аварии)*. Махачкала.
- Атаев, Д.М. 1973: Археологические исследования в Горном Дагестане осенью 1962 г. В сб.: Г.Д. Даниялов (ред.), *МАД III*. Махачкала, 51–59.
- Бакушев, М.А. 2008: *Погребальный обряд населения Дагестана албано-сарматского времени (III в. до н.э. – IV в. н.э.)*. Ростов-на-Дону.
- Гаджиев, Г.А. 1991: *Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана*. Махачкала.
- Гаджиев, Г.А. 1980: Пережитки древних представлений в похоронно-погребальных обрядах лезгин. В сб.: З.О. Османов (ред.), *Семейный быт народов Дагестана*. Махачкала, 29–46.
- Гаджиев, М.С. 1986: Погребальные памятники Дагестана позднеалбанского и раннесредневекового периодов (I–VII вв.). В сб.: М.А. Агларов (ред.), *Обряды и культуры древнего и средневекового населения Дагестана*. Махачкала, 71–89.
- Гаджиев, М.С., Давудов, Ш.О. 2010: Резной деревянный столик первых веков н.э. из окрестностей Карабудахкента (Дагестан). В сб.: О.М. Давудов (ред.), *Исследования первобытной археологии Евразии. Сборник статей к 60-летию чл.-корр. РАН Х.А. Амирханова*. Махачкала, 352–364.
- Гаджиев, М.С., Давудов, Ш.О. 2012: К интерпретации образа крылатого коня на зооморфных бляшках из Дагестана. *ВДНЦ* 44, 32–37.
- Гаджиев, М.С., Давудов, Ш.О. 2015: Бронзовая статуэтка быка из погребения близ сел. Дусрах. *ВДНЦ* 57, 36–43.
- Гмыря, Л.Б. 1984: Из истории ремесленного производства в раннесредневековом Дагестане (По материалам Агачкалинского поселения). В сб.: *Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане*. Махачкала, 73–90.
- Давудов, О.М. 2012: Курклинский могильник раннего средневековья. *Вестник Института истории, археологии и этнографии* 3, 48–73.
- Дзаттиаты, Р.Г. 2014: *Аланские древности Даргавса*. Владикавказ.
- Дзаттиаты, Р.Г. 2016: Предметы импорта из катакомб Даргавса. *Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований* 19 (58), 5–16.
- Косьяненко, В.М. 1994: К вопросу о хронологии и ритуально-магической роли бронзовых зеркал из некрополя Кобякова городища (по материалам раскопок 1956–1962 гг.). В сб.: В.Я. Кияшко (ред.), *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1993г.* Вып. 13. Азов, 70–83.
- Котович, В.Г. 1961: Археологические работы в Горном Дагестане. В сб.: Г.Д. Даниялов (ред.), *МАД II*. Махачкала, 5–57.
- Маммаев, М.М. 1989: *Декоративно-прикладное искусство Дагестана: Истоки и становление*. Махачкала.
- Маммаев, М.М. 1969: К характеристике металлообрабатывающего ремесла Урцекского городища албано-сарматского и раннесредневекового времени. *Ученые записки Института истории, языка и литературы* 19, 189–224.
- Марковин, В.И., Твердохлебов А.М. 1955: Акушинский могильник. *КСИИМК LX*, 150–154.
- Минорский, В.Ф. 1963: *История Ширвана и Дербенда X–XI веков*. М.
- Мунчаев, Р.М. 1958: Археологические исследования в нагорном Дагестане в 1954 г. *КСИИМК LXXI*, 41–52.
- Пиккуль, М.И. 1967: *Эпоха раннего железа в Дагестане*. Махачкала.

- Пикуль, М.И. 1991: Могильник у сел. Дуранги. В сб.: О.М. Давудов (ред.), *Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века*. Махачкала, 165–181.
- Сефербеков, Р.И. 2000: *Традиционные религиозные представления табасаранцев (боги и демоны; верования, связанные с животными)*. Махачкала.
- Смирнов, К.Ф. 1951: Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948–1949 гг. В кн.: *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа*. (МИА 23), 226–301.
- Смирнов, К.Ф. 1952: Археологические исследования в Дагестане в 1948–1950 годах. *КСИ-ИМК XLV*, 83–96.
- Толстая, С.М. 1994: Зеркало в традиционных славянских верованиях и обрядах. В сб.: Н.И. Толстой (ред.), *Славянский и балканский фольклор: Верования. Текст. Ритуал*. М., 111–129.
- Халидова, М.Р. 1992: *Мифологический и исторический эпос народов Дагестана*. Махачкала.
- Хамицаев, Т.А., Бязыров, А.Х. (сост.) 1989: *Нарты: Осетинский героический эпос*. Т. 2. М.
- Чурсин, Г.Ф. 1995: *Авары: Этнографический очерк*. 1928 г. Махачкала.
- Moazami, M. 2005: Evil Animals in the Zoroastrian Religion. *History of Religions* 44.4, 300–317.

REFERENCES

- Abakarov, A.I., Davudov, O.M. 1993: *Arkheologicheskaya karta Dagestana [Archaeological map of Dagestan]*. Moscow.
- Abakarov, A.I., Magomedov, R.G. 1991: Novye arkheologicheskie nakhodki iz gornogo i ploskostnogo Dagestana [New archaeological finds from mountain and plane Dagestan]. In: O.M. Davudov (ed.), *Gory i ravniny Severo-Vostochnogo Kavkaza v drevnosti i srednie veka [Mountains and plains of the Northeast Caucasus in Ancient Time and Middle Ages]*. Makhachkala, 190–202.
- Aksyenov, V.S. 2015: Bogatoe katakombnoe zakhronenie Verkhne-Saltovskogo IV mogil'nika [Rich catacomb burial of the Verkhne-Saltovsky IV burial ground]. *Drevnosti 2014–2015. Khar'kovskiy istoriko-arkheologicheskii ezhegodnik [Antiquities of 2014–2015. Kharkov historical and archaeological yearbook]* 13, 288–305.
- Aksyenov, V.S. 2016: Katakomba № 119 Verkhne-Saltovskogo IV mogil'nika pod Khar'kovom [Catacomb No. 119 of the Verkhne-Saltovsky IV burial ground near Kharkov]. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]* 4, 106–123.
- Ataev, D.M. 1961: Nekotorye srednevekovye mogil'niki Avarii [Some medieval burial grounds of Avaria]. In: G.D. Daniyalov (ed), *Materialy po arkheologii Dagestana [Materials on Archaeology of Dagestan]*. II. Makhachkala, 223–247.
- Ataev, D.M. 1963: *Nagornyy Dagestan v rannem srednevekov'e (po materialam arkheologicheskikh raskopok Avarii) [Mountain Dagestan in the Early Middle Ages (on materials of archaeological excavations in Avaria)]*. Makhachkala.
- Ataev, D.M. 1973: Arkheologicheskie issledovaniya v Gornom Dagestane osen'yu 1962 g. [Archaeological researches in Mountain Dagestan by Autumn of 1962] In: G.D. Daniyalov (ed.), *Materialy po arkheologii Dagestana [Materials on archaeology of Dagestan]*. III. Makhachkala, 51–59.
- Bakushev, M.A. 2008: *Pogrebal'nyy obryad naseleniya Dagestana albano-sarmatskogo vremeni (III v. do n.e. – IV v. n.e.) [Death custom of the population of Dagestan of Albano-Sarmatian time (the 3rd century BC – 4th century AD)]*. Rostov-on-Don.
- Chursin, G.F. 1995: *Avary: Etnograficheskii ocherk. 1928 g. [The Avars: An Ethnographic essay. 1928]*. Makhachkala.

- Gadzhiev, G.A. 1991: *Doislamskie verovaniya i obryady narodov Nagornogo Dagestana* [Pre-Islamic beliefs and ceremonies of the peoples of Mountain Dagestan]. Makhachkala.
- Gadzhiev, G.A. 1980: Perezhitki drevnikh predstavleniy v pokhoronno-pogrebal'nykh obryadakh lezgin [The Remnants of ancient representations in funeral and burial ceremonies of Lezgians]. In: Z.O. Osmanov (ed.), *Semeynyy byt narodov Dagestana* [Family life of the peoples of Dagestan]. Makhachkala, 29–46.
- Gadzhiev, M.S. 1986: Pogrebal'nye pamyatniki Dagestana pozdnealbanskogo I rannesrednevekovogo periodov (I–VII vv.) [Burial monuments of Dagestan of the Late Albanian and Early Medieval periods (the 1st – 7th centuries AD)]. In: M.A. Aglarov (ed.), *Obryady i kul'ty drevnego i srednevekovogo naseleniya Dagestana* [Ceremonies and cults of the ancient and medieval population of Dagestan]. Makhachkala, 71–89.
- Gadzhiev, M.S., Davudov, Sh.O. 2010: Reznoy derevyannyy stolik pervykh vekov n.e. iz okrestnostey Karabudakhkenta (Dagestan) [Carved wooden little table of the first centuries AD from a neighborhood of Karabudakhkent (Dagestan)]. In: O.M. Davudov (ed.), *Issledovaniya pervobytnoy arkheologii Evrazii. Sbornik statey k 60-letiyu chl.-korr. RAN Kh.A. Amirkhanova* [Researches of Primitive archaeology of Eurasia. The collection of articles dedicated to the 60 anniversary of the corresponding member of RAS Kh.A. Amirkhanov]. Makhachkala, 352–364.
- Gadzhiev, M.S., Davudov, Sh.O. 2012: K interpretatsii obraza krylatogo konya na zoomorfnykh blyashkakh iz Dagestana [Interpretation of an image of a winged horse on the zoomorphic plaques from Dagestan]. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra* [Bulletin of the Dagestan Scientific Center] 44, 32–37.
- Gadzhiev, M.S., Davudov, Sh.O. 2015: Bronzovaya statuetka byka iz pogrebeniya bliz sel. Dusrakh [Bronze figurine of a bull from burial near the Dusrakh village] *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra* [Bulletin of the Dagestan Scientific Center] 57, 36–43.
- Gmyrya, L.B. 1984: Iz istorii remeslennogo proizvodstva v rannesrednevekovom Dagestane (Po materialam Agachkalinskogo poseleniya) [From the history of handicraft in Early Medieval Dagestan (On materials from the Aghachkala Settlement)]. In: *Drevnie promysly, remeslo i trgovlya v Dagestane* [Ancient crafts and trade in Dagestan]. Makhachkala, 73–90.
- Davudov, O.M. 2012: Kurklinskiy mogil'nik rannego srednevekov'ya [Kurkli burial ground of the Early Middle Ages]. *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii* [Bulletin of Institute of history, archaeology and ethnography] 3, 48–73.
- Dzattiya, R.G. 2014: *Alanskie drevnosti Dargavs* [Alania antiquities of Dargavs]. Vladikavkaz.
- Dzattiya, R.G. 2016: Predmety importa iz katakomb Dargavs [Import items from Dargavs catacombs]. *Izvestiya Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Researches] 19 (58), 5–16.
- Khalidova, M.R. 1992: *Mifologicheskiy i istoricheskiy epos narodov Dagestana* [Mythological and historical epos of the peoples of Dagestan]. Makhachkala.
- Khamitsaev, T.A., Byazyrov, A.Kh. (eds.) 1989: *Narty: Osetinskiy geroicheskiy epos* [The Narts: Ossetian heroic epos]. Vol. 2. Moscow.
- Kosyanenko, V.M. 1994: K voprosu o khronologii i ritual'no-magicheskoy roli bronzovykh zerkal iz nekropolya Kobyakova gorodishcha (po materialam raskopok 1956–1962 gg.) [On a issue of chronology and a ritual and magic role of bronze mirrors from necropolis of the ancient Kobyakov settlement (on materials of the 1956–1962 excavations)]. In: V.Ya. Kiyashko (ed.), *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 1993 g.* [Historical and archaeological researches in Azov and on Lower Don in 1993] 13. Azov, 70–83.

- Kotovitch, V.G. 1961: Arkheologicheskie raboty v Gornom Dagestane [Archaeological works in Mountain Dagestan]. In: G.D. Daniyalov (ed.), *Materialy po arkheologii Dagestana* [Materials on the Archaeology of Dagestan]. II. Makhachkala, 5–57.
- Mammaev, M.M. 1989: *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo Dagestana: Istoki i stanovlenie* [Arts and crafts of Dagestan: Origin and development]. Makhachkala.
- Mammaev, M.M. 1969: K kharakteristike metalloobratyvyvayushchego remesla Urtsekskogo gorodishcha albano-sarmatskogo i rannesrednevekovogo vremeni [On the characteristic of metalworking craft of the Urtseki settlement of Albano-Sarmatian and Early Medieval time]. *Uchyenye zapiski Instituta istorii, yazyka i literatury* [Scientific Notes of the Institute of History, Language and Literature] 19, 189–224.
- Markovin, V.I., Tverdokhlebov A.M. 1955: Akushinskiy mogil'nik [The Akushinskiy Necropolis]. *Kratkie soobshcheniya Instituta material'noy kul'tury* [Brief Communications of the Institute for the History of the Material Culture] 60, 150–154.
- Minorskiy, V.F. 1963: *Istoriya Shirvana i Derbenda X–XI vekov* [History of Shirvan and Derbend of the 10th – 11th centuries]. Moscow.
- Moazami, M. 2005: Evil Animals in the Zoroastrian Religion. *History of Religions* 44.4, 300–317.
- Munchaev, R.M. 1958: Arkheologicheskie issledovaniya v nagornom Dagestane v 1954 g. [Archaeological researches in mountain Dagestan in 1954]. *Kratkie soobshcheniya Instituta material'noy kul'tury* [Brief Communications of the Institute for the History of the Material Culture] 71, 41–52.
- Pikul, M.I. 1967: *Epokha rannego zheleza v Dagestane* [Dagestan in the Early Iron Age]. Makhachkala.
- Pikul, M.I. 1991: Mogil'nik u sel. Durangi [The burial ground near the Durangi Village]. In: O.M. Davudov (ed.), *Gory i ravniny Severo-Vostochnogo Kavkaza v drevnosti i srednie veka* [Mountains and plains of the Northeast Caucasus in Ancient Time and Middle Ages]. Makhachkala, 165–181.
- Seferbekov, R.I. 2000: *Traditsionnye religioznye predstavleniya tabasarrantsev (bogi i demony; verovaniya svyazannye s zhitvnyimi)* [Traditional religious representations of the Tabasarans (gods and demons; the beliefs connected with animals)]. Makhachkala.
- Smirnov, K.F. 1951: Arkheologicheskie issledovaniya v rayone dagestanskogo seleniya Tarki v 1948–1949 gg. [Archaeological researches near the Dagestan village of Tarki in 1948–1949]. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [Materials and Researches on Archaeology of the Northern Caucasus]. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Researches on Archaeology of the USSR]) 23, 226–301.
- Smirnov, K.F. 1952: Arkheologicheskie issledovaniya v Dagestane v 1948–1950 godakh [Archaeological researches in Dagestan in 1948–1950]. *Kratkie soobshcheniya Instituta material'noy kul'tury* [Brief Communications of the Institute for the History of the Material Culture] XLV, 83–96.
- Tolstaya, S.M. 1994: Zerkalo v traditsionnykh slavyanskikh verovaniyakh i obryadakh [A mirror in traditional Slavic beliefs and ceremonies]. In: N.I. Tolstoy (ed.), *Slavyanskiy i balkanskiy fol'klor: Verovaniya. Tekst. Ritual* [Slavic and Balkan folklore: Beliefs. Text. Ritual]. Moscow, 111–129.

A GROUP OF EARLY MEDIEVAL METAL MIRRORS FROM DAGESTAN

Murtazali S. Gadzhiev*, Shamil O. Davudov**

*Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of RAS, Makhachkala, Russia

murgadj@rambler.ru

**LLC Archaeological Society of Kuban, Rostov-on-Don, Russia

shamyl@mail.ru

Abstract. The paper deals with a group of eleven bronze and billon mirrors found in the Dagestan early medieval burial grounds (Arkas, Galla, Khlyut, Aghachkala, Kurkli, Akhalchi, Khunzakh, Duranghi, Dusrakh, Botlikh, Khuty). Other grave goods allow dating listed burials and mirrors to the 6th to 10th centuries AD. Unlike widespread mirrors with geometrical solar symbols, these mirrors bear the stylized images of reptiles (lizard and snake) and insect (scolopendra) on their back side. An image of snake is represented on a mirror found in Botlikh. Three only bronze mirrors with similar image were found outside Dagestan in the early medieval burial grounds of Verkhne-Saltovsky IV necropolis (Kharkov Region, Ukraine) and Dargavs and Zmeysky (both in Northern Ossetia) catacomb burial grounds. Concentration and topography of finds the mirrors in Dagestan and their rare finds outside this territory allow considering the early medieval Serir state was the main area of their production. On the other hand, the finds of similar mirrors in the territory of historic Alania, in the Alani catacombs, should be probably considered in a context of Alani-Serir political and cultural contacts. It is generally known that the mirrors were sacral items closely connected with the funeral ideology. The chthonic images (reptiles and insects) represented on this group of mirrors emphasize their connection with ideas of the other, underground, lower world. The emergence of such images on the mirrors has been caused by close ties of Dagestan with the Sasanian Iran in the religious and ideological spheres, as well as by the influence of the Zoroastrian religion in which these chthonic images appear as hrafstra, i.e. harmful creatures connected with the world of darkness, the generation of “full of the death” Ahriman.

Keywords: archaeology, Early Middle Ages, Dagestan, burial grounds, bronze mirrors, zoomorphic images, chthonic creatures

---
